

Она, пользуясь небольшим ростом и ловкостью, буквально втискивалась в любую щель. Это напоминало пробки в час пик: четырехколесные машины стояли стеной, непрерывно сигналивая, а двухколесные велосипеды и электросамокаты легко проезжали мимо.

— Цинцин!

Наконец-то она добралась до Вэньжэнь Цин.

Маленькая девочка покрылась легкой испариной. Тяжело дыша, она с беспокойством смотрела на подругу.

В её глазах была только Вэньжэнь Цин. Подойдя ближе, она со стыдом взяла её за руку и тихо сказала:

— Прости, Цинцин, я тебя потеряла.

Проговорив извинения и глядя на бледное, почти прозрачное лицо второстепенной героини, она подняла свою маленькую ручку и коснулась её щеки.

— Цинцин, ты как?

Вэньжэнь Цин сжала губы и отвернулась.

Не очень. Сердце билось слишком быстро.

Потерянная и вновь обретенная.

Поездка в океанариум завершилась без происшествий. Последующее представление с тюленями тоже было впечатляющим.

Однако Цзи Сюнь заметила, что Вэньжэнь Цин была несколько рассеянна.

Почему?

Может, ей неинтересно в океанариуме? Или она плохо себя чувствует?

Выходя из океанариума, она достала шоколад, чтобы предложить Цинцин чего-нибудь сладкого, но обнаружила, что шоколад растаял и стал мягким.

— Цинцин.

Она довольно смущенно спрятала растаявший шоколад обратно в сумку. Затем, делая вид, что ничего не произошло, заговорила:

Вэньжэнь Цин обернулась к ней. Её взгляд был сложнее, чем когда-либо, глубоким и загадочным.

Раньше, увидев такой взгляд у второстепенной героини, Цзи Сюнь бы испугалась.

Ведь перед ней была самая безжалостная злодейка во всей книге. Хотя она была крутой и красивой, с врагами она не церемонилась. Особенно с главной героиней.

А она как раз оказалась на месте главной героини.

Но сейчас всё иначе. Увидев взгляд Вэньжэнь Цин, Цзи Сюнь глубоко задумалась о сегодняшнем дне.

Она потеряла Цинцин.

Маленький ребенок в таком незнакомом и шумном месте, да ещё с не очень крепким здоровьем. Наверняка она была очень напугана, потерявшись.

Она попросила помощи у того дяди, чтобы быстрее вернуться к Цинцин.

Тогда лицо Цинцин было таким бледным, губы почти белые. Что бы она ни говорила, Цинцин словно не слышала, почти не отвечала.

Наверное, она была в шоке.

Цзи Сюнь всё больше убеждалась в этом.

Даже если в будущем она станет великой злодейкой, кто в детстве не был ребенком? Тем более такая болезненная, как второстепенная героиня.

Она раскрыла зонтик от солнца и, глядя на Вэньжэнь Цин, отчетливо произнесла:

— Цинцин, сегодня я тебя потеряла, это моя вина. В следующий раз, если ты меня не найдешь, просто крикни: «Сюньсюнь!», и я прибегу!

Произнеся это, она на миг задумалась, не забыла ли чего, затем наклонила голову и спросила:

— Хорошо?

Солнце ещё не село, и весь мир был в самом знойном состоянии.

Вэньжэнь Цин запомнила эту маленькую девочку под зонтиком от солнца, с вентилятором-подсолнухом.

Её глаза были ярче звезд на небе, они светились в сердце.

Вэньжэнь Цин опустила взгляд, услышав внутренний голос:

Больше не потеряю.

Не будет следующего раза.

— Цинцин, пока!

Цзи Сюнь встала на цыпочки, высунув из окна машины половину лица. Её миндалевидные глаза сверкали.

Вэньжэнь Цин опустила окно, чтобы показать всё личико маленькой розовой девочки.

Она смотрела на Цзи Сюнь несколько мгновений, затем спокойно сказала:

— Угу, пока.

Цзи Сюнь, получив ответ от подруги, радостно помахала рукой и побежала к машине напротив.

Машина уехала.

Вэньжэнь Цин молча снова подняла окно, и водитель дядя Юн улыбнулся.

Он наблюдал за её выражением через зеркало заднего вида и вдруг заговорил:

— Барышня, сегодня вы хорошо провели время?

Обычно барышня всегда была напряжена. С ранних лет казалась взрослой, в ней не было детской живости.

Но сегодня она казалась более расслабленной, черты её лица были мягче, чем обычно.

Едва он это сказал, Вэньжэнь Цин быстро скрыла улыбку в глазах и вернулась к своему обычному холодному выражению, не ответив на вопрос дяди Юна.

На её коленях лежал билет — это был оставшийся после посещения океанариума обрывок.

Прелесть воспоминаний в том, что, вспоминая, можно ясно представить каждый момент.

Разноцветные медузы, болтовня маленькой девочки, рука, протянутая к ней в толпе...

Глядя на этот обрывок билета, она словно снова переживала всё, что произошло сегодня.

Она молчала, глядя на билет, затем коснулась пальцем изображения маленькой медузы. Лицо её оставалось невозмутимым, но движение было мягким.

Дядя Юн, наблюдая за этим в зеркале, не мог не вздохнуть.

Старшая барышня с рождения не знала хороших дней, она столько раз попадала в больницу.

До трёх лет было немного лучше: тогда её здоровье не было таким плохим, она казалась здоровой. И её отец ещё не бросил мать, уйдя из семьи.

В этом доме когда-то было счастье.

Но уход отца разрушил всё.

Мать в одночасье изменилась, а у барышни внезапно обнаружили болезнь сердца, здоровье стало слабым.

Всё это обрушилось на семью, почти уничтожив остатки бывшего счастья.

Оно стало разбитым, больше не было прежнего смеха.

Старшая барышня осталась без присмотра.

До пяти лет её воспитывала бабушка, старая госпожа. Но удача не была долгой: через несколько лет бабушка заболела и умерла.

Старый господин, потеряв любимую жену, в те годы почти не занимался делами, ему было не до маленького ребенка.

Итак, пятилетняя барышня вернулась к матери.

Мать же была с таким характером — вспыльчивым и непостоянным. А ещё, глядя на черты лица барышни, напоминавшие отца, мать почти не проявляла к ней любви.

Видя лицо, похожее на мужа, она испытывала ненависть и гнев.

Она буквально выливали всю свою ненависть на такого маленького ребенка. Бедная барышня, ей было всего пять лет. Хотя она была умной, но всё же это был ребенок из детского сада.

Мать относилась к ней почти жестоко: не позволяла играть с ровесниками, не разрешала называть её мамой. И не позволяла барышне держать что-то любимое, улыбаться.

Потому что, когда барышня улыбалась, она была слишком похожа на отца.

Всё, что могло напомнить матери о прошлом, она запрещала барышне трогать.

Ребенок много раз пугался, его лицо становилось бледным, а несколько раз он даже терял сознание от гнева матери.

Маленькое тело перенесло столько боли и страданий.

Отец не любил, мать не заботилась. Никто не мог защитить её.

На бумаге она была единственной прямой наследницей семьи Вэньжэнь, но на самом деле, как она жила, все слуги видели. Это даже не было похоже на жизнь бедных семей. По крайней мере, у тех детей была родительская любовь.

Думая об этом, дядя Юн чувствовал себя плохо, ему было жалко.

Именно потому, что он знал, как барышня жила все эти годы, сегодня, видя её счастливой, он искренне радовался.

Он чувствовал, что теперь барышня стала немного похожа на ребенка своего возраста.

Вэньжэнь Цин вдруг подняла взгляд и спокойно сказала:

— Дядя Юн, не говорите моей матери о сегодняшнем дне.

Дядя Юн поспешно кивнул:

— Не скажу, точно не скажу.

Если бы мать узнала, это было бы ужасно. Дядя Юн это понимал.

Чжу Пэйсянь, вернувшись домой после собрания, услышала от матушки Ван, что барышня сегодня гуляла с друзьями, и ей это показалось странным.

Она спросила:

— Сюньсюнь, расскажи маме, что вы сегодня делали? С кем гуляла?

Чжу Пэйсянь очень заботилась о досуге дочери, включая того бездомного котенка Сяо Мэйли, которого Цзи Сюнь принесла домой, и который теперь стал главным в семье Цзи.

Пока они разговаривали, Сяо Мэйли мяукнула и подошла, потерясь о руку Чжу Пэйсянь.

Спасибо маленьким ангелочкам, проголосовавшим за меня билетом тирана или полившим меня питательным раствором в период с 23.07.2020 по 24.07.2020 19:00. Спасибо тем, кто кинул мину: Гуан Чжи — извращенец (2 цветка), «Хорошо скучаю по тебе», «Глубоко в 75-м», hskb, «Бесполезный человек» (1 цветок). Спасибо тем, кто полил питательным раствором: Малышка (6 бутылок), А Мин (5 бутылок). Большое спасибо всем за поддержку, я продолжу стараться!

<http://bllate.org/book/16860/1552671>